

Говард Филлипс Лавкрафт

Белый корабль

(The White Ship)

Я - Бэзил Элтон, смотритель маяка "Северная точка", как и мой отец, и дед в свое время. Далеко от берега, высоко над илистыми подводными скалами, открывающимися взору лишь при отливе, стоит серый маяк. Вот уже сто лет проплывают мимо него величавые барки семи морей. Много перевидал их на своем веку дед, отец - меньше, а в наше время они появляются так редко, что порой чувствуешь себя одиноко, будто один живешь на этой планете.

Старые парусники приплывают сюда издалека, из неведомых восточных стран, где жаркое солнце и воздух в невиданных садах и диковинных храмах напоены сладкими ароматами. Бывало, капитаны, старые морские волки, заходили к моему деду и рассказывали ему о чужих странах, а он - моему отцу, отец в свой черед - мне, когда наступали длинные осенние вечера, и зловеще завывал восточный ветер. Да я и сам читал о разных странах и многом другом в подаренных мне книжках, когда был молод и хотел все знать.

Но что все истории, услышанные от людей, прочитанные в книгах, перед тайной океана! Океан никогда не бывает безмолвным, его воды - порой бирюзовые, порой зеленые, серые, белые или черные, то спокойны, то подернуты рябью, то вздымаются волнами. Всю свою жизнь я наблюдал за океаном, прислушивался к нему и теперь знаю его хорошо. Сначала океан рассказывал мне лишь простенькие истории о спокойных берегах и ближайших портах, но с годами он проникся ко мне симпатией и поведал другие истории - об удивительных вещах, отдаленных и в пространстве, и во времени. Иногда в сумерках серая мгла на горизонте рассеивалась, открывая взгляду нечто запредельное, а иногда ночью черная масса воды вдруг освещалась фосфорическим светом, милостиво позволяя мне заглянуть в глубину. И тогда я видел не только то, что есть, но и то, что было, и то, что могло бы быть. Океан древнее гор и преисполнен воспоминаниями и мечтами Времени.

Когда полная луна сияла высоко в небе, с юга приплывал Белый Корабль - всегда с юга, бесшумно и ровно скользя по воде. И в шторм, и в ясную погоду при попутном или противном ветре, он всегда шел бесшумно и ровно, с надутыми парусами, и его длинные необычные весла мерно поднимались и опускались. Как-то в поздний час я разглядел на палубе человека в мантии. Мне показалось, что он поманил меня рукой, будто приглашая отплыть с ним в далекие неведомые края. И потом я не раз видел его при полной луне, и он все манил и манил меня.

В ту ночь, когда я принял приглашение, луна светила особенно ярко, и я прошел над водой по мостику из лунных лучей. Бородач приветствовал меня на мягком красивом языке, и я, сам себе удивляясь, хорошо его понимал. И потекли блаженные часы, наполненные тихими песнями гребцов и золотистым нежным сиянием луны. Белый Корабль несся на всех парусах в таинственные южные края.

А когда занялся розовый жемчужный рассвет, вдали уже ярко зеленел незнакомый берег. К морю спускались величественные террасы, усаженные деревьями, а меж них - то здесь то там - мелькали белые крыши домов и колоннады храмов. Когда мы приблизились к зеленым берегам, бородач сказал, что это земля Зар, хранительница всех прекрасных видений и грез о прекрасном - они являются человеку на миг, а потом исчезают. Я снова взглянул на террасы и понял, что это чистая правда: многое из открытого сейчас моему взору, я видел прежде, когда рассеивалась мгла на горизонте и освещались фосфорическим светом глубины океана. Но здесь были явлены и более совершенные фантазии и формы - видения молодых поэтов, умерших в нищете, мир лишь потом осознал их видения и мечты. Но Белый Корабль не пристал к берегу страны грез: ступивший туда никогда не вернется в родные края.

Мы тихо отплыли от террас с воздвигнутыми на них храмами и увидели далеко на горизонте шпили колоколен огромного города.

- Это Таларион, город Тысячи Чудес. Там обретается все таинственное, что человек тщится понять.

Увидев город с близкого расстояния, я понял: ничего более величественного я и вообразить не мог. Шпили колоколен уходили в бескрайнее небо. Мрачные серые стены, окружавшие город, скрывались где-то за горизонтом. Мне удалось разглядеть лишь верхнюю часть нескольких зданий, зловещих и странных, украшенных химерами. Меня неудержимо тянуло в этот пленительный и одновременно отталкивающий город, я УМОЛЯЛ бородача высадить меня на пирсе, у огромных резных ворот Акариэль, но получил вежливый и твердый отказ.

- Многие вошли в Таларион, город Тысячи Чудес, но никто оттуда не вернулся. Туда держат путь лишь безумцы, утратившие человеческий облик. На улицах города белым-бело от непогребенных костей таких безумцев, раз взглянувших на фантом Лати, правительницу города.

Отплыв от стен Талариона, Белый Корабль много дней плыл вслед за птицей, летевшей на юг. Ее оперенье было цвета поднебесья, откуда она и появилась.

Мы приплыли к прелестному берегу, он радовал глаз множеством цветов. Нежась в лучах полуденного солнца, деревья сплетались кронами, образуя тенистые аллеи. Из невидимых домов доносились обрывки песен, мелодичной музыки, попеременно с нежным пленительным смехом. Мне не терпелось поскорей сойти на берег, и я поторапливал гребцов. На сей раз бородач ничего не сказал, он лишь молча наблюдал за мной, когда мы пристали к поросшему лилиями берегу. Ветер из цветущей долины принес запах, вызвавший у меня дрожь. Он дул все сильнее и сильнее, и воздух наполнился тошнотворным трупным запахом зачумленных городов, превратившихся в кладбища. Гребцы изо всех сил налегли на весла, и мы поскорей ушли в море, подальше от проклятого берега.

- Это Зура, земля Недостигнутого Блаженства, - молвил наконец бородач.

И Белый Корабль снова полетел по волнам вслед за птицей небесной, и нас оведали ласковые благоуханные ветры. Так мы плыли день за днем, ночь за ночью и слушали тихие песни гребцов, как и в ту ночь, когда ушли от родных мне берегов. И наконец лунной ночью мы бросили якорь в гавани Сона-Нил. Ее охраняют две скалы, выступающие из моря и образующие гигантскую арку. Это земля Фантазий и Причуд, и мы сошли на берег по золотому мостику из лунных лучей.

В Сона-Нил не существует пространства и времени, страданий и смерти. Я прожил там несколько тысячелетий. В Сона-Нил - зеленые луга и леса, ароматные цветы, голубые мелодично журчащие ручьи. Фонтаны там чисты и прохладны, храмы величественны, дворцы роскошны. На этой бескрайней земле один прекрасный вид сменяет другой. Люди там красивые и веселые, и живут, где им нравится - то в городе, то на природе. Я целую вечность безмятежно бродил по садам и любовался причудливыми пагодами в зеленых зарослях, нежными цветами вдоль белых дорожек. Я поднимался на отлогие холмы и наслаждался захватывающей дух красотой. Пестрели островерхие крыши домов в долинах, сверкали золотом купола далеких городов на горизонте. А при лунном свете серебрилось море, чернели скалы в гавани, где стоял на якоре Белый Корабль.

Как-то лунной ночью в незапамятный год Тарпа я увидел в небе силуэт птицы поднебесной, манившей меня в дальние края, и ощутил первые признаки беспокойства. Тогда я сказал бородачу, что меня обуревают желание побывать в далекой Катурии, которую еще никто не видел. Полагают, что она находится за базальтовыми столпами на западе. Это Земля Надежды, где достигнуто совершенство во всем, по крайней мере, такая о ней идет молва.

- Говорят, Катурия лежит за морями, где людей подстерегает опасность, - предостерег меня бородач. - В Земле Сона-Нил нет места страданиям и смерти, а кто знает, что нас ждет за базальтовыми столпами на западе?

Я не поддался на уговоры, и в следующее полнолуние взошел на борт Белого Корабля. Бородач с неохотой покинул счастливую гавань и поплыл со мной в неведомые моря.

Птица поднебесья летела впереди, указывая путь к базальтовым столпам запада, но на этот раз гребцы не пели тихих песен, когда на небосклон врывалась полная луна. Я не раз воображал себе, как выглядит Земля Катурия, ее великолепные парки и дворцы, и гадал, какие новые радости поджидают меня там. Катурия, говорил я себе, - обитель богов, земля бесчисленных золотых городов. В ее лесах растут алоэ и сандаловое дерево, как в благовонных лесах Каморина, а меж деревьев летают яркие сладкоголосые птицы. На зеленых цветущих холмах Катурии возвышаются храмы из розового мрамора, украшенные затейливой резьбой и росписью, в их внутренних двориках освежают воздух фонтаны из серебра. В них журчит и переливается благоуханная вода рождающейся в гроте реки Нарг. Города Катурии окружены золотыми стенами, и тротуары там тоже из золота. В парках этих городов источают ароматы удивительные орхидеи и озера с коралловым и янтарным дном. По вечерам улицы и сады освещаются яркими фонариками, похожими на трехцветный щит черепахи, и звучат нежные песни под аккомпанемент лютни. Все

дома там не уступают в роскоши дворцам и стоят по берегам канала, куда несет свои воды священная река Нарг. Дома строятся из порфира и мрамора, кроются золотом, и солнце, отражаясь в золотых крышах, придает городам еще большее величие в глазах богов, любующихся ими с заоблачных вершин. Краше всех дворец великого монарха Дориба, которого здесь почитают полубогом, а иные и Богом. Дворец Дориба очень высок, и в его стенах множество мраморных башен. В его залах, украшенных произведениями искусства многих веков, всегда многолюдно. Крышу из чистого золота поддерживают рубиновые и лазуритовые колонны с резными изображениями богов и героев, и каждому вззирающему на них кажется, что он видит оживший Олимп. Полы во дворце стеклянные, под ними текут искусно подсвеченные воды Нарга, а в них резвятся яркие рыбы, которые водятся только в сказочной Катурии".

И пока я грезил наяву Катурией, бородач снова и снова напоминал мне об опасности и предлагал вернуться к счастливым берегам Сона-Нил: она известна людям, а в Катурию еще не ступала нога человека.

На тридцать первый день плавания вслед за птицей поднебесья мы увидели базальтовые столпы запада. Их окутывал туман, скрывший вершины, которые, по преданию, уходят далеко в небо. Впереди не было видно ни зги. Бородач снова заклинал меня вернуться, но я его не слушал. Мне показалось, что я уловил в тумане песню и звуки лютни. Она была слаще песен Земли Сона-Нил, в ней звучала хвала мне, отважному мореплавателю, приплывшему издалека в Землю Фантазии. И под звуки этой песни Белый Корабль вошел в туман меж базальтовых столпов запада. А когда песня смолкла, и туман рассеялся, мы обнаружили, что перед нами не Земля Катурия, а непреодолимая морская стихия, и наш беспомощный барк понесло неведомо куда. Вскоре послышался отдаленный грохот водопада, и в следующий миг мы увидели на горизонте чудовищный вал низвергающегося в бездну мирового океана. Лицо бородача было мокро от слез.

- Мы покинули прекрасную Землю Сона-Нил, нам не суждено увидеть ее вновь. Боги сильнее людей, и они одолели нас, - сказал он.

И в предчувствии неминуемой гибели я закрыл глаза, чтобы не видеть птицу поднебесья, насмешливо хлопавшую крыльями над бездной.

После крушения все вокруг окутала мгла, и в ней слышались крики людей и вопли потусторонних существей.

Я лежал, подобрав под себя ноги, на огромном мокром валуне, куда меня вынесло неведомой силой, и штормовой восточный ветер пробирал меня до костей. Потом я снова услышал грохот, открыл глаза и увидел, что лежу у подножия маяка, откуда уплыл в незапамятные времена. Внизу, в море, виднелись смутные очертания корабля, разбившегося о скалы. Я поднял взгляд. Свет маяка потух - впервые с тех пор, как смотрителем его стал мой дед.

Позднее, поднявшись в башню, я обнаружил, что листок календаря показывает день моего отплытия. А когда забрезжил рассвет, я спустился к морю - поискать следы кораблекрушения на прибрежной гальке, но обнаружил лишь необычную мертвую птицу с опереньем цвета лазурного поднебесья да обломок мачты, белее морской пены и снега на вершинах гор. Океан уже не поверял мне своих тайн, и хоть много раз с тех пор полная луна всплывала на небосклоне, Белый Корабль с юга больше не появлялся.

Перевод Людмила Биндеман

2000 год